

Книги Константина Калбазова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

РЫЦАРЬ. ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

РЫЦАРЬ. СТЕПЬ

РЫЦАРЬ. КРОУСМАРШ

РЫЦАРЬ. ЕРЕТИК

ВЕПРЬ. СКОМОРОХ

ВЕПРЬ. ЛЮТЫЙ ЗВЕРЬ

ВЕПРЬ. ФЕНИКС

РУБИКОН

РУБИКОН. ДВАЖДЫ В ОДНУ РЕКУ

ПЕС. СТРАЖ

ПЕС. БОЕЦ

ФРОНТИР. ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ

ФРОНТИР. ПЕРО И ВИНТОВКА

ФРОНТИР. ДОРОГА НА ДВОИХ

ФРОНТИР. ГОРОД В СТЕПИ

БУЛЬДОГ. В НАЧАЛЕ ПУТИ

БУЛЬДОГ. ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ

БУЛЬДОГ. ХВАТКА

КОЛОНИЯ

КОЛОНИЯ. КЛЮЧ

КОЛОНИЯ. ДУБЛИКАТ

ОДИНОЧКА. АКВАНАВТ

ОДИНОЧКА. ОХОТНИК ЗА ГОЛОВАМИ

ОДИНОЧКА. ПАТРИОТ

НЕСГИБАЕМЫЙ

НЕСГИБАЕМЫЙ. ВРАГ ПОЧТИ НЕ ВИДЕН

НЕСГИБАЕМЫЙ. НЕ БУДИ ЛИХО...

ФАВОРИТ. СТРЕЛЕЦ

ФАВОРИТ. СОТНИК

ФАВОРИТ. БОЯРИН

ФАВОРИТ. ПОЛКОВОДЕЦ

ШАМАН. ПОХИЩЕННЫЕ

ШАМАН. КЛЮЧИ ОТ ДОМА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

ФАВОРИТ. ПОЛКОВОДЕЦ

РОМАН

Москва, 2018
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К17

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1114

Художник
И. Воронин

Калбазов К. Г.

К17 **Фаворит. Полководец: Фантастический роман.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 314 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2680-5

Хорошая жена, хороший дом... Что еще нужно, чтобы встретить старость? Да в общем-то и ничего. Разве что удержать все то, что досталось кровью и потом. Оно бы забыться в дальний угол да жить себе спокойно, не выпячиваясь. Но...

Иезуиты прочно встали на след странного человека, обладающего невероятными познаниями в различных областях. Хм. Еще бы Ивану Карпову, в прошлом Ивану Rogozinu, представителю двадцать первого века, не поражать жителей века восемнадцатого. Карл, который Двенадцатый — не смотри, что молод, — затаил обиду нешуточную, спит и видит, как разорить Псковскую землю да наложить руку на вотчину молодого боярина. И что тому остается делать в этой ситуации? А бить первым. Бить нещадно и от всей широкой русской души. Бить так, чтобы впредь неповадно было точить зубы на Псков.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Калбазов К. Г., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2680-5

Глава 1

ВСЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

«Шлеп, шлеп, шлеп», — резво и как-то даже игриво бьют по воде плицы. Сбоку от защитных кожухов висит водная взвесь, в которой плещется веселая радуга. «Чух, чух, чух», — басовито и бодро вторит плицам машина, изрыгая из трубы клубы бурого дыма. Вот только скорость каравана при этом едва ли дотягивает до пяти верст в час.

— Василий Родионович, а что, прибавить никак нельзя? — недовольно поглядывая на медленно проплывающий мимо него берег, поинтересовался новгородский купец Ерохин.

— Не получится, — покачал головой капитан. — Чай, не шутка, четыре дощаника на кукане¹ вверх по течению тащить. Не озеро же со стоячей водой.

Это да. От Великого Новгорода прошли малость по Волхову, а дальше уж по Ильмень-озеру. И вот теперь вверх по Шелони. Не сказать, что скорость так уж мала. Бурлаки груженое судно хорошо как за день на двенадцать верст протянут. А тут и все шестьдесят получится. А то и больше. Ночи-то нынче светлые.

Но о чем еще думать купцу, едва разминувшемуся с бедой неминуемой, как не о скором ходе? Шведы подступили как-то неожиданно и разом. Карла Двенадцатого вообще отличали решительность, быстрота и напор. Вроде и мальчишка восемнадцати годков, а как лихо разобрался с Данией, выйдя в результате дерзкой десантной операции напрямик к ее столице. Датскому королю только и осталось, что запросить мира и отказаться от союза с саксонским курфюрстом и новгородцами.

После этого молодой король и предпринял наступление на Новгород. И обнаружили-то шведа вроде вовремя. Да только сделать ничего не успели. Оно беда, конечно, но не так чтобы

¹ Имеется в виду на буксире. — *Здесь и далее примеч. авт.*

страшная, доводилось уж выдерживать долгие осады, собираться с силами и отваживать ворога. Да только не в этот раз. Нашлись доброхоты, что открыли ворота, в перехлест их через колена.

Хорошо хоть давний компаньон и товарищ, псковский боярин Карпов, отправил за Ерохиным своих лешаков на пароходике. Как они выводили купца из города, в который под гром пушек и трескотню мушкетов уже ворвались шведы, не хочется вспоминать. Натерпелись — жуть. Но недаром ходят легенды о карповских особых воях. Вывели всех домочадцев и казну.

Правда, дома и имущества купец все же лишился. И потери были немалыми. Едва не четверть всего его состояния прахом пошла. И коли не подпустят красного петуха, то кому-то оно в пользу обернется. А лучше бы поперек глотки встало! Ну да хорошо хоть в последние годы Ерохин почти все дела вел с Карповым. Через него же основной прибыток имел. И дом белокаменный поставил в Пскове, где главную казну и хранил.

Вообще-то держаться за Новгород особого смысла не было. Но... Велика сила привычки. Не просто вот так, в одночасье, отринуть отчий дом и перебраться в новые края. А вот теперь приходится бежать, все время оглядываясь назад в ожидании погони.

— Так а чего те дощаники было цеплять? — недовольно пробурчал купец. — Чай, надобности в них никакой. На первом людишки мои да скарб. А остальные-то порожними идут.

— То не ко мне. Эвон Захар Ильич, его и пытай, — тут же перенаправил купца капитан к молодому сержанту в гражданском платье и взялся за рупор: — Эй, на дощаниках, не зевай! Вишь, на стремнину относит!

Караван как раз проходил один из крутых поворотов, которыми изобиловала Шелонь. Вот и начало сносить прицепные суденышки на стремнину. У реки не столь уж быстрое течение, но надо все же идти ближе к берегу. «Бобр» — небольшой пароход, а четыре дощаника, даже порожние, — груз изрядный. И это при том, что в любой момент на их след может встать погоня.

— Захар Ильич, слышь, ты чего нацеплял дощаников, как жадный рыбак карасей? — подошел к командиру взвода лешаков купец.

И тут же стусевался, припомнив, что фамилия его Сомов.

Парень лет двадцати шести в свою очередь только улыбнулся во все тридцать два зуба, блеснувшие на голом лице. Не но-

сили лешаки бород. Усы еще встречались, а вот бород не водилось.

— Не бойсь, Авдей Гордеевич, доставим тебя в Псков в лучшем виде. А что до дощаников, так то приказ боярина. Велено вывезти столько людей, сколько получится. Оттого второй десяток двумя пятерками по обоим берегам двинулся, народ в деревнях и селах упреждая. А тех, что на шлюзах проживают и управляются с ними, так и вовсе велено грузить, не спрашивая. Потому как первое богатство любой земли — это люди, а знающие мастера — так и вовсе ее соль.

— Это-то верно. Но нешто Иван Архипович не ведает, что «Бобр» сможет ввести в шлюз только пару дощаников? — удивился купец.

— Ну насмешил, Авдей Гордеевич, — задорно произнес Сомов. — Нешто ты первый день боярина знаешь? Да он наперед все видит. Иль не говорил он тебе, чтобы ты еще в зиму перебирался во Псков? И не зазывал тебя весной? Не сказывал, что швед припожалует?

— Было такое, — вынужден был признать купец.

— Ну так и то, что трудность может приключиться на шлюзах, ему так же ведомо, — пожал плечами сержант. — Не переживай, Авдей Гордеич, чай, тут полный взвод лешаков да при четырех картечницах. Так что обороним, не сомневайся.

— Захар Ильич! — окликнул взводного один из его бойцов на идущем следом за пароходом дощанике, при этом указывая на правый берег Шелони.

Вот так взглянешь на паренька, коему едва двадцать минуло, и не особо рассмотришь в нем матерого бойца, способного в одиночку выступить против нескольких противников. Обычный парень, даже особой статью не отличается, и одет не на манер солдат боярина Карпова, а в обычный, изрядно поношенный кафтан. Разве что походка и движения у него легкие и эдакие вальяжные. Ну очень походит на уверенного в себе котюру.

— Ага, вижу, Саня, — вскидывая к глазам подзорную трубу, ответил взводный.

Вообще-то вот такая труба серьезных денег стоит, хоть и не отличается значительным приближением. Так. Серединка на половинку. А уж с морской трубой и вовсе не сравнить. Но товар это редкий, большого труда и мастерства требующий, а потому, считай, по весу серебра идет. Но Карпов не скупится на снаряжение своих воев. Опять же, трубы те недавно начали ла-

дить на одной из его мануфактур. А боярин как возьмется за что, так работа ему в копейки обходится, а прибыль в рубли выливается.

При мысли об этом купец невольно крикнул. Потом смущенно огладил бороду, кинув взгляд на Сомова, не приметил ли тот чего. Угу. Кто о чем, а вшивый о бане. Ну вот не получилось у Авдея Гордеевича не позавидовать молодому и хваткому боярину. Даже несмотря на то, что едва ноги унес из практически захваченного города, выгоду Ивана Архиповича все же прикинул. Хотя... Чему дивиться, при таких-то потерях. Хочешь — не хочешь, а позавидуешь тому, у кого дело спорится.

Желая отвлечься от дурных мыслей, купец глянул на правый берег. Там собралось порядка полутора десятков человек, да отошла лодка, в которой находились четверо. Подробностей особо не рассмотреть. Но странно. Признаться, Ерохин не верил, что будут беженцы. Но Карпов и тут оказался дальновиднее.

— Саня, давай отправляй своих, — приказал сержант.

— Слушаюсь, — откликнулся десятник.

Свесился с борта, бросая взгляд назад, выставил один палец, и тотчас от дощаника отвалила берестяная лодка. Там было всего два гребца, однако каноэ стремительно полетело вперед и вскоре оставило небольшой караван позади. Лихо подошло к правому берегу, приняло на борт всех столпившихся и отчалило, направляясь к первому дощанику.

Вслед за каноэ подошла и лодка, в которой сидел мужик средних лет. С ним были женщина с младенцем на руках, подросток и девчужка. На дне узлы с вещами. Не иначе как семья. Судя по возрасту, должны бы еще быть детки, да, видать, Господь прибрал. Таким никого не удивишь.

Перебираться на дощаник крестьянин не стал. Просто прицепился сбоку и на том успокоился. Скорее всего, этот из каменных. Вольный вот так не сорвался бы с места. Дом и земельный надел — они крепче любых якорей держат. Карпов же обещал помочь встать на ноги и грозился, что с Псковской земли выдачи не будет.

Не успела разгрузиться первая партия, как второе каноэ умчалось к левому берегу. Двигавшийся впереди десяток делал свое дело, оповещая крестьян об эвакуации. Правда, людей к реке выходило не так чтобы много. Да и те в основном молодые. Изредка для догляда за ними отправляли кого-то из взрослых мужиков или баб.

Угу. Поди Расскажи крестьянину, что нужно бросать все и уходить с насиженных мест. Подумаешь, швед. Они, чай, не бояре, не дворяне и не купцы. Пахать землю при любом хозяине надо. А новгородский он там, московский или швед, то без разницы. Все одно кому оброком кланяться.

Впрочем, боярин Карпов это дело предусмотрел. Поэтому в инструкциях лешакам предписывалось, чтобы они предлагали если не самим родителям подаваться на чужбину, то отправлять детей. Эдак и свое подворье с земельным клином останутся не бесхозные, и, случись надобность, детки уж обживутся на новом месте.

Оно, конечно, слова одни голые. Кто же станет так-то стараться, чтобы народ обустроить? С другой стороны, слово боярина Карпова крепкое. И о том ведают не только во Пскове или Новгороде, но и далеко окрест. Вот только тех, кто готов все оставить, оказалось мало. А потому и ручеек беженцев был весьма и весьма скуден.

— Ну что, ребятки, давайте знакомиться, что ли, — окинув веселым взглядом перебравшуюся на борт молодежь, предложил парень. — Я буду из Редькиных, Александр, сын Григорьев. Служу десятником в роте лешаков, в дружине псковского боярина Карпова.

— Брешешь, — откликнулся самый старший из парней, на вид лет девятнадцати.

— С чего бы это мне брехать? — делано удивился Александр.

— Да слышали мы, что лешаки у боярина все как один на вековые дубы похожи. И обличем недалече от тех леших ушли. Оттого так и прозываются. А ты ничего так, красавцем не назвала бы, но симпатичный, — игриво ответила одна из девиц.

— Ох, девонька, не будила бы ты лихо, пока оно тихо, — подкручивая ус, задрал голый подбородок Редькин.

— Ольга, а ну, цыть! Ишь разошлась. А ты, мил человек, неча на наших девок засматриваться.

— А ты чего так яришься, друже? Уж не невеста ли? — с открытой улыбкой спросил Александр.

Не праздный вопрос. Пусть на незнакомке и есть платок, вот только повязан он по-девичьи. Не иначе как перед дальней дорогой обрядилась. Обычно девицы носят ленты или тесьму. Но в любом случае замужем она быть не может. Этот же вроде

как заботу проявлял о вон той молодке. На вид даже помладше первой, но платок как раз повязан по-бабьи.

— Сестра то моя. И я за нее любому башку оторву.

Угу. Этот может. Как есть может. Эдакая оглобля, косая сажень в плечах. Такого можно вместо лошади в соху запрягать, и разница будет невелика.

— И что, вот так всю жизнь будешь от сестры всех отгонять? — приподнял бровь Александр.

— А то не твоего ума дело, — отрезал парень.

— Хм. Ну а как я по сердцу твоей сестрице придусь? Как тогда быть?

— Да оставь ты его, Димка. Жидковат он мне в женихи. Мне того, кто меньше братца моего, и близко не надь, — с пренебрежением фыркнула девица.

— Вот зря ты так, красавица. Ить в самое сердце ранила, горше пули шведской.

— Да ты шведа-то вблизи видел? — И снова пренебрежительное фыркание, ну чисто рассерженный котенок. — Деся-атник. Леша-ак. Так чего же ты тут-то, а не на берегу бьешься? — припечатала она.

— Шведа видел, — даже и не подумал обижаться Александр. — А не бьюсь с ним, потому как пришел он не на псковские земли, а на новгородские. А у нас на Руси говорится: как аукнется, так и откликнется.

— Это ты на прошлый год намекаешь? — догадался паренек и возрастом помладше, и статью поменьше первого.

Карпов вовсе не собирался проявлять благородство и в ответ на подлость протягивать руку помощи. Понятно, что простой люд тут ни при чем. Ясно, что вечу головы задурили. Да только Пскову от этого не проще. Вот и гуляли по Новгородской земле разговоры один краше другого о предательстве по отношению к младшему и всегда верному соседу. О продажности бояр и глупости вечевиков. А может, и не глупости вовсе. Словом, работа была проведена серьезная и вдумчивая. Ну не хотел Карпов лезть в войну со шведом из-за Новгорода, хоть тресни.

— Не, паря. Я не намекаю. Я прямо говорю, — возразил Александр. — Ить и сами нам не помогли, и московского царя Пскову помочь не допустили. А сегодня нам, значит, против шведа выступать? Харя у ваших бояр, именитых граждан да купцов не треснет?

— Ты Новгород не замай, — с нескрываемой обидой надвинулся на него здоровяк Дмитрий.

— Обидно, — горько ухмыльнулся Александр. — А как тебе то, что нашлись гниды в Новгороде, что ворота ворогу открыли? И ведь в одиночку такое никак не сотворить. Значит, кто-то из этих самых именитых иль не последних купцов расстарался.

— Слышали о том. Ваши сказывали. Да только враки это. Силой швед взял, не предательством.

— Ты вот им порасскажи. — Редькин повернулся к ерохинским домочадцам, тихонько устроившимся на корме. — Ну да ладно о том-то. Время рассудит, брехло я иль чистую правду говорю. Но что до вас, мои дорогие... Вот нехорошо как-то получается. Я-то порассказал, кто таков буду, а вы все молчком да бочком.

— Кхм. Дорохины мы. Я Дмитрий, это, — кивок в сторону парня примерно на год младше, — Агап. Он, — указал на самого младшего, лет шестнадцати, — Борис. По батюшке Гавриловичи. Сестрица наша — Ольга Гавриловна, — с нажимом на отчество и глядя прямо в глаза Александру, уточнил Дмитрий.

Тот только выставил перед собой руки в примирительном жесте. Мол, вот как скажешь, так тому и быть. Чем заслужил очередной пренебрежительный взгляд девицы и хитровато-понимающий — молодки.

— Ну а это супруга моя, Настенька, — как раз представил и ее Дмитрий. — Кхм. Анастасия Ивановна, значит, — тут же поспешил поправиться Дорохин-старший.

Н-да. Старший. Вообще, конечно, тот еще бычок-переросток. Но... Парню едва исполнилось двадцать. И ничего-то он, кроме родной деревеньки да сельских ярмарок, не видел. И женился, похоже, только недавно. Настя она, может, и в тяжести, но деток пока не нажили.

Средний на год младше и не женат. Сестрица... Ну, с девчатами всегда сложно. Как по нему, так она уж давно в возраст взошла и красуется наливным яблочком. Надкуси, и брызнет соком. Ну и младший — тот и вовсе малец, хорошо как шестнадцать годочков исполнилось. А то, глядишь, и помоложе. Все же братцы у него удались, а кровь-то одна.

Закончив разговоры с Дорохиными, Александр переключился на других. Нет, ему вовсе не нужно было заводить знакомства со всеми и составлять списки. Этим займутся писари на границе. Там уже поджидают беженцев. Мало того, на зем-

лях Карпова для новоприбывших строятся деревеньки с просторными и светлыми домами. Боярин твердо намеревался привязать новгородцев к псковским землям и готов был не поскудиться.

Лешакам надлежало только доставить людей да защитить от опасности, случись таковая. Но вот не смог Редькин пройти мимо девицы. Уж больно ладная. А что такого? Он, чай, не монах. Правда, Ольга Гавриловна колючая, что твой терновник. И братцы те еще сторожа. В особенности старший. Так что ничего-то Александру не светит. Если только жениться. Но тут уж точно не ко времени. Ему еще два года в безбрачии жить. Такая служба. Хм. А вообще, что-то его куда-то не туда завернуло.

Следующую группу беженцев расспрашивал больше для сохранения лица. Мол, он с вниманием не только к Дорохиным, но и к остальным. Хм. Здесь девицы не менее целомудренны, а вот вдовушка очень даже игрива. Кто знает, может, сама в бега подалась, может, за молодняком присматривать приставили, да только она, похоже, и поразвлеклась не прочь.

Александр даже плечи расправил и привычно подкрутил усы, едва обнаружил, что его приподнятое настроение было воспринято вполне благосклонно. Ну и, ясное дело, не приметил, как ему в спину впился высокомерный взгляд Ольги. Хм. Вообще-то он о ней уж и позабыть успел...

Так, собирая людей, двигались весь остаток дня и ночь. Хорошо хоть они нынче светлые, потому как беженцы выходили на берег с завидным постоянством. Хотя и в небольших количествах. В целом не набралось и трех сотен.

С рассветом подошли к слиянию Шелони и Узы. Еще каких-то двадцать пять верст, и начнется самый сложный участок. Канал с шестью шлюзами, через которые враз и не проскочишь.

— Глядите!

— Что это?! — послышались возбужденные крики.

— Солнышко встает? — с сомнением предположила одна из девиц.

— Да какое тебе солнышко! Оно, чай, в той стороне встает, — махнул парень на восток, где и впрямь занималась заря.

— Пожар, поди, — высказался один из мужичков постарше.

— И недалеко, — поддержал его другой.

— Чего шумите? — поднялся на ноги Александр. — Не заря это. А зарево. В пяти верстах вверх по Шелони, Порхов. Слышали гром ночью?

— Так гроза, думали.

— Гроза, — согласно кивнул Редькин. — Да только пушечная. А как уже полыхает, значит, пал город, — закончил он под общее «о-ох».

На остальных дощаниках и пароходике народ тоже всполошился. Все взоры устремились на юг, в сторону зарева. Пусть и светла ночь, но видно хорошо. А как иначе-то, коли полыхает целый город. Пусть и уступает Новгороду, тем не менее поселение изрядное.

Караван начал входить в поворот очередной петли, закладываемой руслом. Послышались громкие и отрывистые приказы капитана. Команды дощаников поспешили на свои посты с шестами наперевес. Вид пожарища напрочь отбил лень, зато возбудил желание побыстрее оказаться на Псковской земле. И каравану лучше бы избегать стремнины.

Вскоре вошли в Узу, и широкое речное русло сменилось узким. Не сравниться Узе с Шелонью. Построенный между нею и Черехой канал и то куда более полноводен. Впрочем, это не имеет никакого значения. Конечно, большим судам с серьезной осадкой тут делать нечего, но в остальном река служит транспортной артерией весь период навигации.

Успели пройти с версту, когда справа затрещали кусты и на берег выбежало сразу десятка два человек. Уже окончательно рассвело, а потому беженцев распознали сразу. Вот только одежда на них подранная да в копоти. Кто-то в окровавленных повязках. И у всех на лицах тоска, надежда и мольба одновременно. До суши рукой подать, а потому видно все совершенно отчетливо.

— Елизар, Добрыня! — подойдя к борту, окликнул Александр.

Вид решительный, взгляд злой. Видно, что мается от бессилия. Сжимает свой карабин, оглаживает патронташи на груди и пистолы на поясе. Но ничего не предпринимает. И не предпримет. Инициатива среди лешаков приветствуется, но только разумная. За глупость же можно и головой поплатиться. А что горше всего, так и честным именем.

Редькин отвернулся, чтобы проследовать на нос и переговорить с взводным, вышедшим на корму. Встретился взглядом с девицей Ольгой. Сам не зная отчего, виновато улыбнулся уголками губ, легонько пожал понурыми плечами и едва заметно вздохнул, выражая сожаление по поводу собственного бездействия. И получил ожидаемо презрительный взгляд.

— Десятник, началось. Сейчас народу прибавится. Поворачивайтесь, принять надо всех, — приказал взводный.

— Слушаюсь, господин сержант! — Коль скоро к нему по званию, то и он вполне официально.

Тем временем на «Бобре» началась суета. Десяток Александра все время находился при караване. А вот второй и третий пребывали в разгоне, меняя друг друга на берегу и оповещая народ об эвакуации. Ну и отдыхая попеременно. Вот только кончился отдых у бойцов Митрофана. Настал самый ответственный момент.

Лешаки сдернули с картечниц парусиновые пологи. Тускло блеснули вороненные стволы с ребристыми радиаторами. Сыто лязгнули замки, принимая латунные гильзы с зарядами. И до этого вполне себе мирный пароходик вдруг превратился в хищника, ошетилившегося четырьмя грозными стволами.

Несмотря на весьма скромные размеры, скорострельность у этих пушечек просто запредельная. Порядка пятнадцати выстрелов в минуту, а это полторы тысячи пулевых картечин. Ничего подобного в мире нет. Даже самые скорострельные шведские пушки могли дать всего шесть выстрелов. И при этом по весу и размерам они схожи.

— Как на нас вышли? — встречая перепуганных беглецов, спросил Редькин.

— Так ребяток увидели. Сказали, что они лешаки псковские, и велели сюда идти. Мол, тут подберут, — ответил дюжий мужик с окровавленной повязкой на левой руке.

— Вот и ладно. Устраивайтесь. Федор! — позвал Александр.

— Я, господин десятник, — отозвался один из бойцов.

— Накорми их. Чай, всю ночь маялись.

— Слушаюсь.

— Слышь, мил человек, коли лешаки, стало быть, боярина Карпова людишками будете? — остановил Редькина раненый мужик.

— Мы не людишки его, — возразил Александр, — а дружинники. Разницу узри.

— Ага. Узрел, — легко и возбужденно согласился мужик. — Так а где же его остальная дружина? Я так разумею, сюда уже движется?

При этих словах не только новоприбывшие, но и остальные устремили на Редькина внимательные взгляды. Вот же. Ведь говорил уже. Но нет. Глядят, словно что новое хотят услышать.

— Не придет дружина боярина.

— Это как же так-то? — удивился мужик. — Завсегда Псков к Новгороду на помощь поспешал.

— Я уже устал на этот вопрос отвечать. Эвон других поспрашивай, ответят. Не захочешь с нами в Псков идти, дело твое. Накормить накормим, а там — вот тебе Бог, а вот порог.

Пройдя более ста верст по Шелони, за сутки подобрали неполные три сотни. Двадцать пять верст по Узе, и за пять часов число беженцев возросло до тысячи. На дощаниках уже мест почти не оставалось, и целая вереница из пары десятков разномастных лодок набралась.

Первый шлюз миновали без проблем. Если только не считать того, что, проведя два дощаника, пароход возвращался и цеплял вторую пару. Лодчонки проходили, уже набиваясь в свободное пространство. Но ничего так. За час управились.

Жители деревеньки при шлюзе даже не стали артачиться. Едва рассмотрели беженцев да перекинулись с ними парой слов, как тут же поспешили вязать узлы. Н-да. Русский человек — он такой. Замучаешься его корчевать с насиженного места. Но если он осознает необходимость, то сам подорвется, да с такой легкостью, что поди поспей за ним.

— Захар Ильич!

Они как раз подходили ко второму шлюзу, когда на берегу канала появился посыльный от Мурوما.

— Говори, — подошел к борту дюжий сержант.

— Шведы. Рота драгун. В получасе пути отсюда, — четко и коротко доложил посыльный, двигаясь параллельно каравану.

Сейчас второй десяток собрался в один кулак и двигался по правому берегу реки. Нечего расплыться. Оно, конечно, беда может прийти и с другой стороны, но от Порхова все же вероятность куда как выше.

Опять же, собирать народ и дальше попросту не имело смысла. Всех не вывезешь. Места на дощаниках таяли весьма быстро. А еще предстояло собрать людей с четырех шлюзов на новгородской земле. Со всеми домочадцами сотни две народу получится. Не шутка. Поэтому сейчас лешаки выполняли роль бокового охранения.

— Понял тебя, Елисей. Где десяток?

— Там, в полуверсте отсюда, — сообщил парень на берегу.

Народ тут же заволновался. Не все. Только те, кто успел на себе ощутить, каково оно, владычество шведское. Однако волнение очень быстро распространилось на всех остальных. Пока плыли по Узе, не раз и не два наблюдали вздымающиеся

к небесам бурые столбы дыма пожарищ. Так что не на пустом месте их беспокойство. Деревеньки вот так часто и густо сами собой не горят.

Поначалу сержант никак не отреагировал на полученную новость. Все делали так, словно и не случилось ничего. Подошли к стенке, пришвартовали два концевых дощаника. С двумя «Бобр» вошел в шлюз, где тут же начала подниматься вода. Но когда уровень достиг своего максимума и ворота шлюза отворились, «Бобр» так и остался на месте.

— Редькин!

— Я, Захар Ильич, — тут же приблизился к взводному Александр.

При этом он наблюдал, как бойцы Митрофана сгружают с парохода две картэчницы и короба с боекомплектот из десятка зарядов, почти два пуда получается. На себе много не утащишь. Но для этого есть пара легких тачек. Каждая без труда выдержит и дюжину коробов, но по столько и не грузят.

— Давай со своими на пароход, случись надобность, оборона каравана на тебе. А я с парнями в заслон. Намылим холку шведу.

— Захар Ильич... — начал было Александр.

— Саня, не закипай. Все бы тебе геройствовать. То в Нарву наперед всех рвешься, то Дерпт на воздух вздымаешь. Дай и другим малость повоевать.

— Слушаюсь, — вздохнул Редькин.

— Вот и слушайся. Митрофан!

— Готовы уж, Захар Ильич, — тут же отозвался командир третьего десятка.

— Тогда с Богом, — заключил взводный сержант.

Ну и что тут поделать? Да ничего. Только приказ выполнять. Александр с берега следил за тем, как пароход, взбив плитами воду, начал выводить дощаники из шлюза. Прикинул так да эдак.

— Слышь, старшой! — окликнул он старосту деревеньки при шлюзе.

— Да, господин хороший.

— Ты вот что. Как только «Бобр» выйдет из шлюза, закрывай ворота и начинай спускать воду.

— А как же... — Мужик указал на замершие по другую сторону дощаники.

— Нормально все будет. Елизар!

— Да, Александр Григорьевич, — отозвался лешак.

- Давай мужиков по обоим берегам и два троса.
- Ага, понял, — тут же догадался боец.
- Бурлаками потянешь, — смекнул староста.
- Так оно быстрее выйдет, — подтвердил десятник.

Ну что тут сказать, прав оказался Александр. Получилось быстрее чуть ли не вдвое. И грузиться народ обратно не стал, пешком по суше двинулся. Скорость каравана, конечно, повыше будет. Но пока «Бобр» с двумя дощаниками будет шлюзоваться, и бурлаки подтянутся, чтобы принять последнюю пару.

Когда вторая пара дощаников покинула шлюз, в полуверсте от него на лесной прогалине появились шведы. Едва завидев суда с людьми, драгуны тут же начали нахлестывать коней. Вот они, беглецы! Только руку протяни.

Подумаешь, шведские солдаты не стеснялись грабить и жечь деревеньки и села. Это вовсе ни о чем не говорит. Дома недолго восстановить, а ты поди засели обезлюдевшие земли. Королю нужна была не просто земля, но и подданные. А что до оккупации, так ничего страшного. В Прибалтике и Карелии народ пообтесался, попривык. Вот и здесь будет так же. А потому армии строго-настроено приказали пресекать все попытки бегства. Справедливости ради надо сказать, что был запрет и на грабежи. Но на эти шалости все же смотрели сквозь пальцы.

Не судьба шведам завернуть беглецов. Обе картечницы ударили разом, как только плотная конная масса приблизилась на расстояние в три сотни шагов от укрывшегося за деревьями заслона. Вторя пушчонкам, затрещали винтовочные выстрелы. И тут же образовалась куча-мала из летящих в траву коней и людей. Не успели шведы опомниться, как вновь брызнула картечь. Выстрелы винтовок слились в одну сплошную трескотню. А вскоре от леса уже доносилась нескончаемая канонада боя.

Если бы не порох выделки Замятлинской пороховой фабрики и ветер, сносивший дым в сторону, то весь обзор уже давно застило бы. А так пусть и не в деталях, но все же рассмотреть схватку получается. Признаться, смотреть там особо не на что. Роту драгун расстреляли на подходе. Шведы отвернули, так и не сумев провести кавалерийскую атаку. Зато потеряли минимум две трети личного состава. А то и все три четверти. Уж больно серьезно им досталось.

— Ждать будем? — спросил у Александра капитан «Бобра», вооружившись рупором.

— Нет, Василий Родионович. Каждый должен заниматься своим делом. Захар Ильич пойдет берегом и, случись, снова прикроет. Так что идем дальше, — прокричал в ответ Редькин. — Ну чего встали, мужики? Не гляди, что караван под носом. Сейчас ход наберет, и догонять придется. Двигаем.

И эдак легонько подтолкнул среднего из Дорохиных, с нескрываемым восхищением взиравшего в сторону недавней схватки. Есть чем восхищаться. Не успело сражение разгореться, как уже закончилось, да еще и с таким уроном для шведа.

И снова, сам не зная отчего, Александр посмотрел на теперь уже третий в веренице дощаник. Именно там находилась сестрица Дорохиных, Ольга. А вот и она. Ожгла его осуждающим взглядом. Еще бы. Пока одни крушат ворога, он отсиживается за бабами да детишками. То, что тут присутствует более двух сотен мужиков и парней, в расчет не бралось в принципе.

И снова на губах Александра появилась виноватая улыбка. Да с чего бы?! Уж кем-кем, но трусом он никогда не был. И крови врагам пустил столько, что... И в рукопашной один против троих ветеранов выходил. И... Да какого он, собственно! Чувство вины улетучилось, как утренний туман, и он задорно подмигнул девчужке. Та в свою очередь вновь фыркнула и отвернулась.

Часть каравана прошла в шлюз, и, пока ворота закрывались, с «Бобра» бросили сходни к бревенчатой стенке с дощатым настилом. Ерохин тяжело вздохнул и ступил на шаткий мостик. Ему, человеку торговому, корабельная палуба давно привычна. Да только переход к земной тверди всегда был ошутим. Ну да быстро пообвыкнет. Не впервой.

— Здравствуй, Авдей Гордеевич, — тут же подступил к нему молодой, высокий и плечистый мужчина.

Достаточно скромный для его положения кафтан. Но из доброго сукна. Хотя нет, не сукно это. Лен. Ладно сотканый, но тем не менее он, родимый. И ткань выглядит вполне пристойно, и одежда такая в летнюю пору куда предпочтительнее. Впрочем, боярину ли Карпову жаловаться на жару? В отличие от другого знатного люда, он не носит сто одежек, дабышний раз подчеркнуть свой статус. А потому и тех мучений не испытывает. Чего никак не сказать о взопревшем Ерохине. Жаркий нынче выдался июнь, что тут еще скажешь.

— И тебе поздорову, Иван Архипович, — с тяжким вздохом приветствовал купец. — Прав ты оказался. Опять прав.

— Ну так привык бы уж и слушал мои советы, а не проверял всякий раз, вдруг именно теперь я ошибусь.

— Привыкать мне никак нельзя. Как только перестану своей головой думать, тут-то и помру. Как купец, понятное дело. Так-то не дождетесь. Ну кто же знал, что предательство приключится!

— Новгород не выстоял бы долго против Карла и без предательства, — убежденно произнес Карпов.

— Тебе-то откуда известно? — усомнился Ерохин.

— Зря ты так-то, Авдей Гордеевич. Ты в торговле знаешь толк, тут мне с тобой не равняться. Я же воевать умею. А потому знаю, о чем толкую. Казну-то спасти удалось?

— Казну-то спас. Да только у меня ить в товаре немало было. Все на складах осталось и прахом пошло.

— Ничего. Были бы кости, а мясо нарастет, — усмехнулся Иван.

Пока говорили, миновали домик смотрителя и вышли к спуску на берег Черехи. И тут Ерохин замер, так и не ступив на деревянную лестницу. Было чему удивиться. На берегу раскинулись палатки военного лагеря. Тысячи три, вряд ли больше. Получается, где-то два полка карповской дружины. Если вспомнить, как он всего одним полком рвал шведов два года назад, то великая сила выходит.

Купец бросил на боярина взгляд, полный надежды. Но в ответ получил лишь отрицательное покачивание головой.

— Почему? — все же спросил Ерохин.

— А сам не понимаешь? Говорили уж о том. И не раз.

— Но полки ты привел.

— Чтобы упредить Карла, реши он напасть на Псков.

— А не боишься, что вече может и на лобное место потянуть? Они уж боярской кровушки вкусили и от нового угощения не откажутся. Иль все во Пскове твоей волей деется и народ уж власти не имеет? Так вроде до такого еще не дошло. Если только за те три месяца, что меня не было, что-то не изменилось.

— Не изменилось, слава тебе господи. Все по-прежнему. Ты же знаешь, Авдей Гордеевич, я не стремлюсь полностью отринуть власть веча. Наоборот, ратую за то, чтобы сила за ним сохранялась и впредь. Пусть и не так безмерно, как это было ранее, когда не палки, но бревна в колеса вставляли. Но вот никак не могут вечевики прийти к единому мнению, сколько войск слать да каким манером собирать ратных людишек.

— Время, стало быть, тянете, — горько констатировал купец.

— Как аукнется...

— Мне уж твой сержант о том в уши пел. Опять же, каких только слухов по Новгороду не ходило... — Внимательно взглянул на боярина купец и вздохнул. — Видать, тобою же те слухи и пущены. Но, признаться, я все же полагал, что ты не уподобишься нашим новгородским гнидам.

— Вот и не равняй нас. Они и Псков перед лицом опасности оставили, и Великий Новгород предали.

— Кхм. Прости, Иван Архипович. Не хотел я тебя обижать.

— Верю. А потому и близко к сердцу не принимаю.

— Но ведь не жаль тебе Новгорода, Иван Архипович.

— Извини, Авдей Гордеевич, но я к нему никогда сердцем не лежал. А поведением своим он меня еще больше отвратил. Так что не будем о том.

— И что теперь делать собираешься? — вновь окидывая взором военный лагерь, спросил купец.

— Ждать.

— Ясно. Знаешь, а я ведь, признаться, думал, что ты прикажешь разрушить шлюзы, дабы они шведу не достались, — перевел разговор в другое русло купец.

Ну и о наболевшем, чего уж там. Сегодня вся торговля с Новгородом, Москвой и Речью Посполитой проходила по каналу. И тому, что он сейчас пуст, виной война. А еще это были его да Карпова вложения, которые, к слову сказать, еще не окупилась полностью.

— К чему такие крайности? — пожал плечами Иван.

— Ну так Карл по этой дорожке может к Пскову повести не только свою армию, но и осадный припас.

— Пусть попробует, — сказал Иван. — Во-первых, не для того мы тот канал строили, чтобы сейчас рушить. Пригодится еще. Во-вторых, верстах в двух поперек русла затопим один дощаник. Чтобы никакого прохода. Ну и в-третьих, мы тут крепостцу поставили, так что попробуй пройди.

— И где та крепость? — озираясь, удивился купец.

— Нешто не видишь? — лукаво спросил Иван.

— Не вижу.

— Так вот она, — указал боярин на холм справа.

— Что-то я не понимаю.

— Да просто все. Вырыли траншеи да котлованы, обложили изнутри бревнами. Получились ходы, стрелковые галереи и казематы. А потом все это дело накрыли землей. Ну и сверху дер-

ном обложили. Подземная крепость. Никакой каменной не сравнится по прочности. Тут у меня усиленная рота стоит при четырех орудиях, шести картечницах и минометной батарее. Да огненного припаса с избытком. Год простоят, не шелохнутся.

— Эка невидаль, — хмыкнул купец. — А как мину подведут?

— Мину и под каменную крепость, и под бастионы подвести можно. И как с этим бороться, известно. А вот ядрами тут бреши не сделаешь.

— Хм. А ить временная крепостца-то, выходит.

— С чего бы это?

— Ну так дерево в земле пусть десять лет простоит. И все. Гниль свое возьмет, даже если смолой все обрабатываешь. А трудов тут положено преизрядно. Даже с твоими механизмами, коими канал копали. Знать, не вечно ты собираешься хорониться от Карла.

— Вон до чего ты додумался, — хохотнул Иван, ставя ногу на ступень лестницы.

— Да уж додумался. Ты ить ничегошеньки не делаешь на скорую руку. Всегда и все основательно, на века. А тут серебром разбрасываешься.

— Твоя правда. То мера не постоянная. Но выхода иного нет. Враг в любой момент подступиться может. Такое же укрепление возвести быстрее всего. И без правильной осады его не взять. А это время, которое можно использовать с толком. Я еще пять таких же поставил у Замятлино. У меня там целый укрепрайон получился.

— Что-что у тебя там? — не понял купец.

— Несколько отдельных укреплений, поддерживая друг друга огнем, образуют единую оборону.

— Да это-то я понял. Чай, не глупый. Просто словечко это мудреное. Укрепрайон, — раздельно произнес Ерохин, словно смакуя незнакомое и в то же время понятное слово.

Н-да. Словечко для нынешнего века и впрямь необычное. А главное, оно не просто из будущего, но еще и из другого мира. Как так? Ну, тут все просто и сложно одновременно.

Боярин Карпов Иван Архипович, он ведь в прошлом своем — Рогозин Иван Степанович, представитель первой четверти двадцать первого века. Вот так вот, ни много ни мало. И хотя ему сейчас всего лишь двадцать семь, вместе с прошлой жизнью получают все семь десятков.

В своем мире он был предпринимателем средней руки, особо не стремившимся ни к каким высотам. Не было у него жела-

ния, вот и все. Заработка хватало, семья обеспечена, перспективы весьма радужные. Вот и поставил он мастерскую для души, где на практике отрабатывал различные старинные технологии. Даже станки там все были построены только на основе доступных материалов восемнадцатого века и никак иначе.

Потом его сбил автомобиль, и случилось нечто непостижимое, благодаря чему он попал в прошлое, оказавшись в теле семнадцатилетнего юноши. И не просто в прошлое, а в альтернативное. Сегодня на дворе июнь одна тысяча семисотого года. Но на престоле восседает царь-реформатор Николай Рюрикович.

России как таковой нет. Есть Русское царство со столицей в Москве. Новгородская и Псковская земли, причем первая раза в два превосходит Московию. Хм. Вернее, превосходила. Теперь-то шведы шороху наведут. Ну и Николай наверняка не растеряется. А иначе грош ему цена. Еще есть Гетманщина и земли донских казаков. Вот такой расклад.

За минувшие десять лет Карпов успел пройти путь от подмастерья в кузнице своего отца до псковского боярина. Много случилось за эти годы. Он бы и рад не высовываться и жить тихой жизнью, как это было в прежнем мире. Да не получается.

За что не возьмется, так обязательно выпячивается. А там и завистники, и те, кто желает заполучить такого разумника себе под руку. Вот и пришлось, чтобы жить спокойно, начать строить свой собственный дом. В рамках Псковской земли. Меньше никак не получится.

Ну и как в той поговорке. Воровать — так миллион, любить — так королеву. С воровством не заладилось. Ну да не беда. Сумел заработать. И весьма прилично, если учесть все его активы да добавить отцовские. Тот, кстати, разбогател с помощью все того же Ивана. До того как сын взялся за дело, батюшка пробавлялся кузнечеством.

Ну и с королевой не срослось. Он сегодня в фаворитах у великой княгини Трубецкой, что на княжеском столе в Пскове сидит. Правда, в девичестве она была Рюриковна. Младшая сестра Николая, ныне царствующего на русском престоле. Так что разница не особо и велика.

Правда, пожениться им не суждено. Иван хоть королевский трон себе отвоюет, а не имея за собой дворянского рода в седьмом колене, и помыслить о ее руке не может. Ну да и не больно-то надо. Они и так счастливы с тех пор, как она овдовела.

В замужестве и помыслить об измене не могла. Теперь же сынишку общего прижили. Словом, удалась жизнь, чего уж там.

Во всяком случае, пока все выглядит именно так. В общих чертах. Просто есть кое-какие частности. Король шведский Карл Двенадцатый уж больно на Карпова сердит. Тот два года назад устроил шведам кровавую баню и после Нарвского инцидента отжал одноименный город с прилегающими территориями.

Иезуиты волками смотрят. Он, вишь ли, поднял руку на их брата. А Карпов меж тем никого не убивал. Тот сам себя порешил, чтобы тайну с собой в могилу унести. Конечно, заговор против московского престола Иван раскрыл и планы иезуитам порушил. Ну так дело-то житейское. Он ведь на службе тогда был, стрельцом Дмитриевского полка.

Так себе оправдание в глазах членов общества Иисуса. Да они и слушать ничего не станут. У них принцип простой: кто не с ними, тот против них. Отсюда и выводы неутешительные. В средствах для достижения целей братья не стесняются. Яд, кинжал, пуля, клятвопреступление, прелюбодеяние — да любой смертный грех, лишь бы на благо борьбе с еретиками и иноверцами.

Но прошли те времена, когда от одной только мысли об иезуитах Иван начинал оглядываться и внимательно всматриваться в окружающих. Да, эти змеи умеют нанести удар там, где не ждешь. Задействовать в своих хитросплетениях близких и, казалось бы, верных людей.

Но и Иван не пальцем деланный. Есть у него своя служба безопасности, готовая заблаговременно обезвредить любого хитромудрого иезуита. Что ни говори, но пока братья берут по большей части тем, что не брезгуют никакими средствами для достижения цели.

А служба безопасности Карпова использует профессиональный подход. Отчасти благодаря уникаму Кузьме Платоновичу, бывшему нищему побирушке, оказавшемуся с двойным дном. Отчасти стараниями самого Ивана, который дает Овечкину советы, основываясь на своих скромных познаниях в этой области. Они почерпнуты из книг и фильмов в прошлой жизни, однако, как ни странно, здесь это работало. Правда, Карпов был склонен полагать, что по большей части все же за счет талантов Кузьмы.

В любом случае тут боярин чувствовал себя защищенным, а потому мог сосредоточиться на другом противнике. Карл

Двенадцатый. Этот молодой король и гениальный полководец очень даже наличествовал в этом мире. И уже начал свою войну. Этой весной он буквально пригвоздил Данию одним молниеносным и внезапным ударом.

Карпов не помнил, как развивалась двадцатилетняя Северная война в его мире. Но точно знал одно. Карл не успокоится, пока его кто-то не приземлит, больно и жестко. Иван не собирался бодаться с ним целых двадцать лет, но и вечное противостояние с Новгородом его также не устраивало.

Было дело, Николай хотел прибрать к рукам Псков. С этой целью он направил сюда свою сестру Елизавету Дмитриевну. Ну и в помощь ей — своего бывшего стрелецкого сотника Карпова. Но так уж случилось, что эти двое снюхались и решили оставить Псковскую землю себе. Отчего-то Ивану казалось, что Николая вполне устроит компенсация в виде Новгородской земли. Пусть забирает. А уж сестрица с братцем, будучи соседями, всегда поладят.

— Ваше величество, донесение от генерал-майора Левенхаупта! — Посланник, молодой прапорщик, вытянулся в струнку, пожирая государя обожающим взглядом.

Плевать, что король младше его минимум на пару лет. И главное даже не то, что он венценосная особа. Всего лишь за неполные три месяца этот — без тени иронии — великий человек сумел поставить на колени Данию и откусить огромный кусок от новгородских земель. Настолько огромный, что люди осторожные уже начинали опасаться, не случится ли у Швеции несварение.

Разумеется, был Нарвский инцидент, повлекший большие потери в армии, и как результат оказалась отторгнута часть шведской территории. Но стоит ли вспоминать о каком-то незначительном пятачке на фоне столь значимых побед? Никто не верил, что удастся в столь сжатые сроки захватить Великий Новгород. Однако вот он, лежит у ног победителей.

Карл принял запечатанный пакет. Кивком дал понять прапорщику, что он может быть свободен. Потом взломал печати и углубился в чтение. По мере того как он знакомился с содержанием послания, его настроение менялось, и не в лучшую сторону.

— Прочтите, дорогой Густав, — протянул король послание генерал-лейтенанту.

Реншильд, зрелый мужчина сорока девяти лет от роду, был не просто ближайшим сподвижником его величества. Король полагал генерал-лейтенанта своим наставником, жадно впитывая его знания в военном искусстве. Только чудо сберегло этого военачальника во время морского разгрома экспедиционного корпуса. Никак иначе то, что ему удалось доплыть до берега, уцепившись за обломок мачты, назвать нельзя. И Карл был признателен за это Провидению.

— Что скажете, Густав? — когда тот закончил читать, спросил Карл.

— Скажу, что в словах Адама есть резон. Карпов сосредоточил на границе два полка. Должен откровенно признать, это немалая сила. Но, по сути, в настоящий момент это все, чем располагает Псков. Если уничтожим дружину боярина Карпова, больше серьезного противника на нашем пути не будет.

— Вы совершенно верно заметили, дорогой Густав, что Карпов — весьма серьезный противник.

— В распоряжении Левенхаупта пятнадцатитысячный корпус. Под вашим началом находится двадцатитысячная армия. Более чем десятикратное превосходство.

— Положить цвет моей армии в стремлении задавить Карпова?

— Но-о...

— Я слишком хорошо помню, на что способны его полки. Каждый его солдат, — слышите, Густав, каждый! — вооружен нарезным мушкетом, в то время как в моих полках треть солдат имеют пики. И это происходит не из-за необходимости противостояния кавалерии, а потому что нам банально не хватает мушкетов. Да, Карпов словно приглашает нас напасть на него. Но мы не станем торопиться. К тому же нам есть чем заняться. Пускай пребывает в уверенности, что мы чтим заключенный ранее договор.

— Значит, придерживаемся первоначального плана?

— Именно. Левенхаупту оставить гарнизон в Порхове и выдвигаться на Великие Луки. Мы также оставим гарнизон в Новгороде и, разделив армию на две части, продолжим наступление. Вы, мой друг, — на Боровичи. Я сначала возьму Старую Руссу и далее двинусь на Холм. Таким образом, уже к концу летней кампании мы отторгнем наиболее густонаселенную часть Новгородской земли, выйдем к границам Московии иотрежем от нее Псков. Хорошо бы еще успеть захватить Архан-

гельск, чтобы перекрыть Николаю выход в Белое море. Но тут уж как получится. Главное — это изоляция Пскова.

— Вы все же полагаете, что русский царь наложит руку на оставшиеся новгородские владения?

— Он будет сущим дураком, если этого не сделает. Я бы непременно воспользовался ситуацией, представ на белом коне и в ореоле спасителя.

— И вы так легко об этом рассуждаете?

— Земли, населяемые русскими, слишком велики, чтобы их можно было вот так легко проглотить. Я не желаю подавиться. Так что пускай забирает. Признаться, меня куда больше занимает именно Псков. Как только мы с Николаем разорвем Новгород надвое, я сосредоточу все свои усилия на Саксонии. А когда выведу ее из игры, займусь Псковом. Без спешки. Обстоятельно. И неумолимо.

Признаться, Реншильд взирал на короля с долей удивления. Молодой, энергичный и подающий надежды талантливый юноша обещал стать видным полководцем. Об этом кричали его нрав, жажда славы и непереносимое желание добиться доминирования Швеции в Европе. Если его отец предпочитал экономические меры, реформируя королевство, то отпрыск явно решил пойти по кратчайшему пути. Иными словами — опираясь на детище своего деда, шведскую армию.

Вот только в последнее время генерал стал замечать в Карле какие-то странные изменения, несвойственные его прямолинейному характеру солдата. Он по-прежнему всячески демонстрировал свою приверженность к походной армейской жизни. И в то же время стал несколько иным.

Карл не говорил всего даже своему ближайшему сподвижнику. Так, тот понятия не имел о начавшемся сношении между королем и польским провинциалом¹. Тот сумел заронить в ум Карла рациональные зерна, облачив их в нужные слова. А еще обещал содействие братьев ордена в уничтожении Пскова. Взамен он просил только об одном: если таковая возможность представится, передать Карпова в руки иезуитов живым. В качестве причины указывалось то, что тот пролил кровь слиш-

¹ В иерархии иезуитов четвертая по значимости должность после генерала, генерального ассистента и регионального ассистента. Согласно некоторым источникам, в Речи Посполитой на тот момент было настолько велико влияние иезуитов, что ее едва не выделили в отдельную провинцию. В данном же случае имеет место допущение автора.

ком многих братьев и заслужил кое-что похуже, чем просто смерть. И шведский король обещал им эту малость.

Ордену предстояло настроить общество против Карпова, распространяя о нем всевозможные порочащие слухи. Люди всегда охотно верят во все дурное. В Пскове же воля народа достаточно сильна. И, насколько знает Карл, ни Карпов, ни его любовница, великая княгиня Трубецкая, не желают узурпировать власть и лишить вече голоса. Ну что же. За эту глупость они еще поплатятся.

А еще провинциал брался подготовить в Пскове заговор, чтобы можно было нанести удар изнутри. Правда, тут он не давал никаких гарантий, потому как всем тайным операциям успешно противодействовал цепной пес Карпова, Овечкин. Карл это понимал. Ему без особого труда удалось найти ренегатов среди новгородцев. С Псковом же он натолкнулся на неприступную стену. Но, как видно, у иезуитов все же имеются свои ключики.

Вот и прекрасно. Остается только дать время поработать ржавчине. Хотя бы годик. А пока суд да дело, королю есть чем заняться. До конца разберется с Новгородом. Потом принудит к миру курфюрста Саксонии на выгодных Швеции условиях. А там и Псков созреет.

Само собой, все его существо восставало против подобного промедления. Прежние представления буквально вопили о том, что большая политика и влияние государства определяются на полях сражений. Но прошлый опыт общения с Карповым и Елизаветой подсказывали, что идти против них с открытым забралом — не лучшая идея.

Глава 2 ТУЧИ СГУЩАЮТСЯ

— Коротким — коли!

— Ху!

С шумным выдохом шеренга новобранцев выбросила вперед винтовки с прикрепленными тесаками, сверкнувшими на солнце отточенной сталью.

— Длинным — коли!

Десятник выкрикивает команды, задавая быстрый темп, так что и дух некогда перевести. Продолжается это уже почти

полчаса. На грязных от пыли лицах его подчиненных пролегли борозды от скатывающихся капель пота. Кителя полевой формы под мышками и на спине темнеют мокрыми пятнами.

Вот только приказы здесь лучше выполнять быстро, четко и своевременно. Иначе можно пожалеть о том, что вообще родился на свет божий, и вот это издевательство покажется детской забавой. Поэтому солдаты стараются изо всех сил, вкладывая в каждый удар рвение и все умение, какое только у них есть. А ведь это, по сути, лишь разминка.

Бойцы делают дружный шаг вперед, припадая на левую ногу и выбрасывая винтовки в попытке достать воображаемого противника.

— Ху! — вторят они своим движениям.

— Прикладом — бей!

Подшаг. Винтовка описывает дугу и обрушивается на невидимого противника сверху и сбоку. Туда, где должно находиться основание шеи.

— Ху!

— Снова — бей!

Выбросить винтовку вперед и вверх, нанося удар затыльником приклада в голову.

— Ху!

— Сверху — руби!

Подшаг. И снова по дуге, слева направо. Так, словно одним махом срубашь топором молодое деревце.

— Ху!

— Обратно — руби!

И снова винтовка пошла по дуге с подшагом. Но в обратном направлении. Тесак со свистом вспарывает воздух, взрезая мнимого врага отточенной сталью.

— Ху!

— Толчком — бей!

Двинуть винтовкой перед собой, словно отбрасываешь от себя врага, оказавшегося в непосредственной близости, чтобы разорвать дистанцию.

— Ху!

— Коротким — коли!

И все повторяется снова. И снова. И снова. Как любит говаривать сержант — тяжело в ученье, легко в бою. Бог весть. Может, и врет. Но сил уже больше никаких изнывать на плацу! Уж лучше в бой! Надоело все хуже горькой редьки. Вот пусти их

сейчас на шведа, да какие там штыки и приклады — зубами рвать будут!

А пока... Учения продолжились. Вскоре с небольшого плаца десяток переместился на полосу штыкового боя. Первым в строю переводить дух некогда, и они с ходу приступают к работе. А вот последующим достается короткая передышка, от нескольких секунд до полуминуты. Тут три одинаковых и стандартных полосы для дружины боярина Карпова. По одной на каждый десяток.

Занятия по штыковому бою были ежедневными, с понедельника по пятницу. В субботу банно-хозяйственный день. Солдаты отдраивали казарму, мылись в бане, обстирывали и обшивали себя.

В воскресенье предоставлялись увольнительные, и они могли отдохнуть за пределами военного городка. И даже навестить родных, если успевали обернуться за день. Тем, у кого близкие находились слишком далеко, предоставлялось сразу два дня. Тут не двадцать первый век, и отношение к родным и семье особенное. Поэтому Иван не собирался лишать своих солдат общения с близкими. Тем и без того есть за что его ненавидеть. Незачем излишне нагнетать.

Тренажеры не были детищем Ивана. Он лишь предложил общую концепцию. Дальше за дело взялся Митя, его младший брат, со своими друзьями и соратниками. Ну и сержанты, уже наработавшие практический опыт, кое-что подсказали. С виду конструкция получилась простая и незатейливая. Но на деле являлась весьма сложным продуктом.

Чучело, обложенное вязанками камыша или соломы, закреплено на пружине. Это придавало ему подвижность и усложняло процесс избиения уже после первого удара. Не добавляло простоты и то, что оно установлено на тележке, откатывавшейся от атакующего ее солдата после каждого нанесенного удара или укола. Ну и крутилось это чудо вокруг своей оси, размахивая сразу восьмью конечностями с интересными сюрпризами. Прилетит эдакий — не возрадуешься.

Перед началом атаки предстояло отбить шест, имитирующий то ли пику, то ли штык ружья противника. Без разницы. Главное, что штука весьма увесистая и сама собой в сторону не отвалится. А вот чучело — то наоборот, откатывалось с поразительной легкостью. Впрочем, к окончанию занятий его все одно измочаливали в труху. Нестроевым с завидной регулярностью приходилось реанимировать тренажер.

После того как сливали положенную бочку пота на полосе штыкового боя, переходили к практическим занятиям. Ага. То, что было прежде, — это цветочки. Невидимый противник не может тебе причинить вреда по определению. Чучело, конечно, лягается, но все одно просчитать, куда оно двинет в очередной раз, не так чтобы и сложно.

А вот когда напротив тебя человек, решительно не желающий, чтобы его отдубасили, то все становится куда интереснее и неприятнее. Бить же можно только в полную силу и никак иначе. Пожалеешь, схалтуришь — и десятники с сержантом с тебя три шкуры сдерут. Потому как ты этим самым подкладываешь свинью и себе, и тому, кого пожалел.

Наука воинская в дружине Карпова вбивается через труд и боль. Вот так. И никакой романтики, которая обуревала новобранцев, большинство из которых были молодыми парнями. Да и зрелые мужики в наивности своей не больно далеко ушли.

— Господин сержант, дозвольте вопрос? — поднимаясь на ноги и отплеываясь от пыли, забившей рот, обратился мужик лет тридцати.

— Спрашивай, — разрешил парень лет на пять младше его.

— А к чему мы столько учимся штыком да тесаками ворочать? И без них, с голыми руками, всем, что под руку подвернется? Ить в дружине боярина все пальбой решается. И припасу огненного всегда в избытке.

— Взво-од! Прекратить занятие! — И когда все замерли, внимая начальству, начал отвечать, чтобы всяк услышал: — Значит, спрашиваешь, к чему учимся драться в рукопашной с оружием и без? Разъясняю. На тот случай, если у вас вдруг не окажется зарядов. А случиться такое может. Как и то, что вам некогда будет перезаряжать винтовку. И такое бывает. Когда брали Нарву, конкретно нашему взводу это очень пригодилось на улицах города. А лично мне спасло жизнь. Еще вопросы есть?

— Никак нет, — за всех ответил давешний мужик.

— Тогда продолжить занятия.

И снова скрестились шесты с прикрепленными на концах валиками, имитирующими штык и приклад. Убить таким оружием проблематично, а вот огреть от души или вышибить дух очень даже возможно. Поэтому бойцы, валяющиеся на земле, корчась от боли, вовсе не редкость. Угу. Про жалость на учениях уж говорилось.

Наконец занятия закончились. Но только не мучения. Казалось бы, можно расслабиться. Ведь идут в казарму, где поставят винтовки в пирамиду, приведут себя в порядок и отправятся на обед. Но сержант решил иначе.

Мысленно простонав, солдаты поспешили выполнить команду. Подтянулись, вскинули подбородки и пошли четким строевым шагом, вздымая сапогами пыль. Сто двадцать шагов в минуту. Ни единым больше. Ни единым меньше. За два месяца в них это уже вбили намертво. Более того, они даже в увольнении ходят, расправив плечи. Велика сила муштры.

— Агап, чего это ты так глядел на капитана Рыбина? — тихо спросил Дмитрий у младшего брата.

Угу. Было такое дело. Занятия посетил командир роты лешаков. Единственное подразделение, которое несло потери даже в мирное время. Случались они редко, но все же имели место. Кого-то ранило. Кто-то богу душу отдал. Правда, и жили они куда веселее иных. Жалованье вдвое против обычного. Плюс военные трофеи, коими они распоряжались по своему усмотрению.

К примеру, в том бою у шлюза взвод лешаков одних лошадей взял около трех десятков. Остальные частью были убиты, другие ранены и их добили, а третьи разбежались. И сколько это выходило на круг, Дмитрий даже считать не брался. Эти бойцы перешли через границу, ведя в связке лошадей с тюками трофеев.

— Не глядел я ни на кого, — тут же открестился средний из братьев Дорохиных.

— Не ври, — надавил старший.

— Да не вру я.

— А он прошение подал о переводе в разведку, а его, вишь, сразу в лешаки сосватали, — не выдержал один из сослуживцев.

— Это как так? — вскинулся Дмитрий и даже на мгновение замер на месте.

— Да помолчите вы, бестолочи, — заставляя продолжить движение, толкнул его в спину сослуживец, явно настроенный решительно.

Впрочем, имелись причины для подобного поведения. Вот не было у него желанья страдать из-за чьей-то чрезмерной болтливости.

— Потом языками почешете, не ровен час, начальство примет, — поддержал другой сослуживец.

Угу. Замечание вовсе не лишено смысла. Сержант и десятичники страсть как не любят, когда кто-то нарушает эту самую, как ее... Ага. Дисциплину. Как один провинится, так обязательно весь десяток бегаёт, прыгает, таскает да наизнанку выворачивается. А то и целому взводу достаётся. Это у них называется «один за всех и все за одного». Но пока чаще получается: один нагадил, а все подтираются. А чтобы один за всех, такого еще не бывало...

— Господин капитан, рядовой третьего взвода второго десятка Агап Дорохин, дозволейте обратиться! — Парень замер, едва войдя в канцелярию командира роты и закрыв за собой дверь.

Рука вскинута к обрезу кепки. Вытянут в струнку. Не косая сажень в плечах, но и далеко не плюгав. Подтянут, опрятен, вид молодцеватый. Вот только взгляд все время съезжает на гостя.

Вообще-то Рыбин набирал себе пополнение строго из разведвзводов, созданных в каждом полку. Там парни уже успевали нахвататься кое-какого специфического опыта, ну и комплектовались взводы отборными бойцами из линейных частей. Вот лучших из лучших, да еще и сугубо на добровольной основе, и отбирали в лешаки. Как, впрочем, и в разведчики. Много у них общего. Отличия только в самой службе. Как уже говорилось, лешакам и в мирное время покоя не было.

— А чего это ты по имени представляешься? — спросил Рыбин.

— Так двое нас Дорохиных. Братья мы, и оба в одном десятке, — пояснил Агап.

— О как. Тогда понятно. — Удовлетворив любопытство, командир лешаков откинулся на спинку стула, потеряв к рядовому всяческий интерес.

— Ну, чего замер как истукан? — окинул его взглядом капитан Горский.

— Так это... — начал было и тут же запнулся парень.

— Чего ты тут мямлишь? Толком сказывай, — подбодрил его командир роты.

— Ну, я это... Вещички-то собирать?

— Какие вещички?

— Ну, я это... Я ить прошение подавал о переводе в разведку.

— Ага. Вот теперь понял. То есть ты решил, что настолько хорош, что тебя сразу в лешаки заберут. Нет, ну как же они, бе-

долагы, без вот такой подмоги! Григорий Семенович, ить вам без него никак.

— Ты, Сильвестр Петрович, меня в свои ротные дела не мешай. А что до моих, то, слава тебе господи, в роте вакансий нет. А то ведь сам ведаешь, как они появляются.

— Ведаю. Дневальный!

— Я, господин капитан! — В канцелярию тут же вбежал дежуривший солдат.

— Сержанта Родионова ко мне.

— Слушаюсь.

Рыбин глянул на часы, висевшие на стене, и недовольно скривился, словно отведал клюквенного сока.

— Сильвестр Петрович, мы идем или как? — посмотрел он на капитана Горского.

— Да погоди уж. Не видишь, нужно вразумить заблудшую овцу.

— А что, парень, небось хорош в учебе, коли решил, что я непременно за тобой пожаловал?

— Негоже мне о себе сказывать, — понурился Агап.

Он окончательно понял, что выпросил себе на голову целую кучу неприятностей. И за куда меньшее, чем обращение к командиру роты не по команде, стирают на плацу нещадно. В солдат буквально вколачивают основы порядка и дисциплины. Но вот показалось ему, что свершилось, и не утерпел. Оно так бывает: когда очень чего-то хочешь, то непременно начинаешь в это верить.

— Из лучших будет в новом пополнении, — между тем ответил Горский.

При этих словах Агапу порадоваться бы. Не всякому удастся услышать такую похвалу из уст капитана. Но... Вот не хотелось бы слышать ее именно так-то.

— А скажи-ка, братец, чего это ты вдруг возжелал податься в лешаки? — поинтересовался Рыбин.

— Видел, как они малым числом сошлись с ротой драгун. И вообще, слышал много всего чудного, — шмыгнув носом, пробурчал парень.

— И? — приподнял бровь командир лешаков.

— Воем таким стать хочу, — а вот теперь тяжкий вздох.

— Господин капитан, командир третьего взвода сержант Родионов по вашему приказанию прибыл, — войдя в канцелярию, доложил командир Агапа.

Парень покосился в его сторону и, встретившись взглядом, вновь тяжело вздохнул. Вот и горюшко его заявилось. Что-то теперь будет...

— Вот что, сержант, рядовому Дорохину за обращение не по команде два наряда вне очереди.

— Слушаюсь! — Родионов поднял руку к козырьку.

— Да, Аркадий Иванович, увольнение его не лишай. Глупость глупостью, но право на побывку он своим усердием и потом заработал.

— Слушаюсь, господин капитан.

— Все, забирай свое чудо.

Едва вышли из канцелярии, как сержант отвел парня в сторону. Странное дело. Обычно в таких случаях Родионов не рассусоливал. Строил взвод и объявлял взыскание. Да еще тут же претворял наказание в жизнь. Хотя чего спешить? Сейчас что-нибудь удумает.

Подумаешь, капитан сказал не лишать увольнения. Это ведь за обращение не по команде. А тут ведь дело какое. Был бы человек, а наказание сыщется. Уж у сержантов с этим не заржавеет. Не за то, так за другое. Вот и получится, что и приказ выполнил, и умника, из-за которого получил выволочку, наказал.

Но если по правде, то выволочку сержанту капитан не устраивал. Никто не упомнит, чтобы офицеры наказывали сержантов и десятников. Даже худого выговора им никогда не делали. Солдаты вообще были уверены, что сержантам ничего не будет, хоть приберей они подчиненного насмерть.

— Ну, сказывай, за каким лядом поперся к капитану?

— Капитан Рыбин... он ить и на полосе штыкового боя был... А я, значит, прошение...

— Ясно. Что, так хочется в лешаки?

— Да хоть в разведку. Но в лешаки...

— Бестолочь ты младая, вот что я тебе скажу. Ладно. От себя ничего добавлять тебе не стану. Но на будущее учти. Ранее чем через полгода службы и думать нечего, чтобы попасть в разведку. Да и то коли будут места. А уж о лешаках и вовсе промолчу. Туда не раньше полугода уж в разведке. И еще. Ты в голове своей держи, что прошение тобой подано. Напоминать о том не стоит. В разведку-то берут добровольцев, да только просись — не просись, а новобранцев они набирают сами. И из кого выбрать, у них есть. Уяснил?

— Уяснил.

— Вот и ладушки. Пойдем тогда получать заслуженную награду.

Не сказать, что тащить внеочередные наряды — такое веселое занятие. Ну да сам дурак. И что это на него нашло? Куда горше пришлось со старшим братом. Не гляди, что разница всего-то год. Он старший, и весь тут сказ. И по поводу блажи Агапа Дмитрий высказался однозначно. Нечего ерундой маяться.

И плевать, что жалованье там выше. В разведку и лешаки записывались минимум на пять лет. И жениться в течение этого срока им было запрещено. А вот сгинуть там проще простого. Поговаривают, как швед в Новгород припожаловал, так и полковые разведчики начали хаживать к нему в гости. Да только те не больно-то и рады. А потому встречали горячо, свинцом да сталью.

Ладно еще идти служить в дружину. Тут и выбора, по сути, нет, и дело это в прибыль обернется. Потому как жалованье солдату полагалось нешуточное. И всего-то слить бочку пота. Чай, в поле и поболее надрываться приходилось. А вот так, коствлявую дразнить... Шалишь!..

В первый же день, как пересекли псковскую границу, их всех провели через две палатки, над которыми развевались белые флаги с красными православными крестами. Отдельно баб и мужиков. Там оказались лекари, которые заставили всех без исключения раздеться.

Убедившись, что никто не принес никакую болячку, всем сделали прививку. Оно, конечно, народ не желал ничего делать. Но разговор был коротким. Либо прививаешься от оспы и получаешь двадцать пять копеек. Либо вот тебе Бог, а вот порог. Угу. После того как наблюдали столбы дыма от сгоревших деревенок да наслушались рассказов беглецов, возвращаться особого желания не возникло.

Вот только, как выяснилось, это еще не все. Всяк мужик от восемнадцати и до сорока годочков должен записываться в солдаты. Поначалу-то народ наотрез отказался. Но доводы опять были весьма убедительные. Солдат брали на полный котловой и имущественный кошт. А кроме того, выплачивалось годовое жалованье в размере десяти рублей восьмидесяти копеек.

Большая сумма для крестьянской семьи. Да что там — огромная. Не всякий земельный надел мог принести такую прибыль. На такие деньги семья могла прожить год, не испытывая нужды.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Все только начинается	5
<i>Глава 2.</i> Тучи сгущаются	27
<i>Глава 3.</i> Покушение	50
<i>Глава 4.</i> Рокош	72
<i>Глава 5.</i> Западня	98
<i>Глава 6.</i> Разгром	121
<i>Глава 7.</i> В преддверии грозы	145
<i>Глава 8.</i> Гладко было на бумаге...	165
<i>Глава 9.</i> Лешака мало поймать...	187
<i>Глава 10.</i> Всем сестрам по серьгам	209
<i>Глава 11.</i> Разбитые, но непобежденные	229
<i>Глава 12.</i> Болезненный укол	253
<i>Глава 13.</i> От всей широкой русской души	274
<i>Эпilog</i>	301